
С. А. РЕБРОВ

КАРЛ МАРКС И ЛУИ АЛЬТЮССЕР: АУТЕНТИЧНОСТЬ И РЕКОНСТРУКЦИЯ МАРКСИЗМА

В 2018 г. исполнилось ровно 100 лет со дня рождения выдающегося французского философа, историка философии и теоретика западного марксизма Луи Альтюссера. Примечательным является факт, что тот год также совпал с двухсотлетним юбилеем со дня рождения Карла Маркса, ученого и философа, которому Альтюссер посвятил большую часть своей профессиональной карьеры. В данной статье подробно рассматриваются вопросы реконструкции наследия К. Маркса создателем школы структуралистского марксизма Л. Альтюссером. Подход французского мыслителя заключался в сциентистской интерпретации марксизма, основанной на ряде направлений континентальной философской мысли: французском неорационализме, структурализме, спинозизме и психоанализе. В 60-е гг. XX в. гуманистическое прочтение Маркса, выстроенное на идеях об освобождении человека, обрело значительную популярность в неомарксистской среде. Выступив против подобной тенденции, одновременно преодолевая ортодоксальную практику, школа Альтюссера смогла создать собственное уникальное философское течение в интеллектуальном мире XX в.

Автором был проанализирован ряд текстов отцов-основателей марксистской теории в контексте их сравнения с текстами самого Альтюссера. В самой статье используется совокупность историко-философских методов, разработанных теоретиками Кембриджской школы интеллектуальной истории (Кв. Скиннер, Дж. Покок и Дж. Данн). Ключевой особенностью данной методологии является рассмотрение каких-либо философских течений в историческом и интеллектуальном контексте, используя категорию «вопрос-ответ». Сам же политический язык вместе с понятийным аппаратом рассматривается как неотъемлемая часть контекста без каких-либо связей с более поздними идеологическими наложениями.

Ключевые слова: Маркс, Альтюссер, марксизм, неомарксизм, структурализм, спинозизм, идеология, гуманизм, политическая философия.

Философия и общество, № 3 2020 67–82

DOI: 10.30884/jfo/2020.03.04

In 2018, it was a centenary anniversary of the French philosopher, historian of philosophy and theorist of Western Marxism, Louis Althusser. It is notable that this anniversary coincided with bicentennial anniversary of the birth of Karl Marx, a scientist and philosopher to whom Althusser devoted most part of his professional career. This article describes in detail the issues of how the founder of the school of “structuralist Marxism” Louis Althusser restored the legacy of Karl Marx. The approach of the French thinker consisted in the scientific interpretation of Marxism basing on a number of flows in continental philosophical thought, namely: French neo-rationalism, structuralism, spinozism, and psychoanalysis. In the 1960s, the humanistic interpretation of Marx, based on the idea of human emancipation, gained considerable popularity in the neo-Marxist environment. Speaking against this trend and at the same time overcoming the orthodox practice, the Althusser School managed to create a unique philosophical trend in the intellectual world of the 20th century.

The author of the present article analyzed a number of texts of the founding-fathers’ of the Marxist theory in the context of their comparison with the texts of Althusser himself. In the article there is used a combination of historical and philosophical methods developed by the theorists of the Cambridge School of Intellectual history (Quentin Skinner, John Pocock and John Dunn). The key feature of this methodology is consideration of philosophical trends in the historical and intellectual context using the question-answer category. The political language together with the nomenclature is considered as an inherent part of the context without any links with later ideological aspects.

Keywords: *Marx, Althusser, Marxism, neo-Marxism, structuralism, spinozism, ideology, humanism, political philosophy.*

Несмотря на колоссальное влияние идей К. Маркса на общественно-политическую мысль XIX и XX вв., в конце 80-х гг. прошлого столетия марксизм как интеллектуальная традиция пришел в упадок. Распад СССР и стран социалистического лагеря в совокупности с торжеством политики неолиберализма привел к разочарованию значительного количества ученых и интеллектуалов в марксизме и в социалистической идеологии вообще. Вместе с этим в самом начале 90-х гг. начался период посмертных публикаций многочисленных рукописей выдающегося французского философа и теоретика неомарксизма Луи Альтюссера. Еще при жизни мыслитель приобрел всемирную известность, опубликовав такие работы, как «За Маркса» (*Pour Marx*) и «Читать “Капитал”» (*Lire le*

«*Capital*»). Однако, несмотря на широкое признание, большую часть жизни Альтюссер оставался членом Французской коммунистической партии, политической организации, которая имела общеобязательную точку зрения на философию, с которой его идеи далеко не всегда сочетались. Вследствие чего значительное количество статей, книг и фрагментов работ увидели свет лишь после смерти Альтюссера, что можно назвать весьма распространенным явлением в истории философии. Публикация посмертных трудов пришла на крайне непопулярное для марксистской традиции время, что, однако, полностью оправдалось возрождением интереса к творчеству Альтюссера среди исследователей и простых читателей. Многие неизвестные ранее работы смогли пролить свет на темы, которые ранее считались слабыми местами его концепций. Помимо различных трудов по истории философии и психоанализу, был издан также и ряд оригинальных философских произведений, которые позволили увидеть французского философа в совершенно ином свете [Elliott 2006: 318–319], что также внесло определенный вклад в возрождение интереса к марксизму.

Здесь, однако, стоит уточнить, что еще при жизни воззрения Альтюссера, как и многих других философов, подверглись идеологическим интерпретациям, которые значительно повлияли на восприятие его идей среди философского сообщества различных стран. Так, в англоязычном мире идеи Альтюссера как континентального мыслителя нашли своих последователей в таких дисциплинах, как литературоведение, культурология, искусствоведение, гендерные исследования и т. д. [Ferretter 2006: 109]. То есть его идеи начали восприниматься в рамках направлений, которыми сам французский философ не занимался и, более того, даже не интересовался. Подобную ситуацию можно описать как наложение более поздних идеологических концептов на философскую мысль, что может способствовать созданию ложных заключений в процессе проведения историко-философских исследований.

В данном случае нам представляется актуальным применение методологии Кембриджской школы интеллектуальной истории, которая была в свое время разработана в рамках дискуссий о наиболее эффективном подходе к пониманию философских идей.

С точки зрения теоретиков Кембриджской школы, сами философские идеи стоит рассматривать как ответы на вопросы, которые ранее поставили другие мыслители (возможно, даже не слишком широко известные) в рамках одного периода мысли. Подобный подход позволяет избежать значительных трудностей, связанных с практикой несоответствия современной системы понятий и категорий с системой той эпохи, которую рассматривает конкретный ученый. В частности, Квентин Скиннер показывает в своих исследованиях, что игнорирование контекста и его понятийных особенностей приводит исключительно к тому, что конкретные авторы просто приписывают определенным мыслителям неизвестные им категории [Скиннер 2018: 77]. В методологии Кембриджской школы исследователь должен попытаться понять цель и мотивацию написания конкретного текста у рассматриваемого мыслителя.

Анализируя интеллектуальный контекст той эпохи, частью которой стали идеи Л. Альтюссера, нельзя не отметить, что сам философский климат послевоенной Франции сформировался под влиянием немецкой философии XIX в., которая ранее была крайне плохо известна на французской земле. В 1930-е гг. интеллектуальная жизнь Парижа подверглась влиянию философа-неогегельянца А. Кожева (Кожевникова), чьи семинары по философии Г. В. Ф. Гегеля буквально открыли его идеи для французских интеллектуалов. Семинары Кожева пользовались большой популярностью среди слушателей (их посещали такие личности, как Ж. Лакан, Р. Арон, М. Мерло-Понти и др.). Уже после Второй мировой войны, в 1947 г., вышла книга Кожева «Введение в чтение Гегеля» (*Introduction à la lecture de Hegel*), на которую написал критическую рецензию молодой Л. Альтюссер. В ней французский мыслитель выразил несогласие с трактовкой Маркса Кожевным через категорию «диалектики господина и раба» [Althusser 1997: 170–172]. В данном контексте интересно, что на тот момент Альтюссер не являлся убежденным марксистом и сам находился под влиянием Гегеля [Elliott 2006: 335], что, однако, в дальнейшем не помешало ему стать одним из самых известных критиков гегельянства в истории современной философии.

Популяризации гегелевской философии поспособствовал и первый перевод «Феноменологии духа» на французский язык, который выполнил другой известный французский неогегельянец Ж. Ипполит (также оказавший значительное влияние на формирование мировоззрения Л. Альтюссера). Сами идеи Гегеля обрели колоссальную популярность и среди студентов-философов Высшей нормальной школы (*École normale supérieure*), абсолютное большинство которых посвящали свои выпускные диссертации именно гегелевской философии [Дьяков 2010: 28]. Так, диссертация Альтюссера имела название «Понятие содержания в философии Г. В. Ф. Гегеля» (*La Notion de contenu dans la philosophie de G. W. F. Hegel*).

Помимо гегельянства, на интеллектуальную жизнь послевоенной Франции колоссальное влияние оказала философия экзистенциализма, связанная с такими именами, как Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти. Сам Сартр, будучи политически сторонником левых взглядов, активно обращался к марксизму, пытаясь адаптировать ряд его ключевых положений в рамках собственной философии. На период конца 1950-х и начала 1960-х гг. пришлась публикация таких его работ, как «Проблемы метода» (*Question de method*) и «Критика диалектического разума» (*Critique de la raison dialectique*). Несмотря на постоянную критику со стороны официальных теоретиков ФКП, Сартр оказывал значительное влияние на марксистские дебаты того времени.

Среди абсолютного большинства французских марксистов же господствовало течение ортодоксального марксизма-ленинизма Французской компартии, несколько отличавшееся от аналогичного направления в СССР. Публикация ряда ранних произведений К. Маркса задала определенный тренд на возрождение интереса к гуманизму, отчуждению и идеям освобождения человека, мимо которого не могли пройти и французские коммунисты. Ведущим теоретиком ФКП в данной области выступил Р. Гароди, чьи работы раннего периода хоть и не выходили за пределы официальной догматики, но тем не менее затрагивали ряд направлений, несвойственных ортодоксальному марксизму (гуманизм, отчуждение и т. д.) [Гароди 1959: 22]. Интересно, что впоследствии именно Гароди станет

одним из главных противников идей Альтюссера среди французских марксистов.

Кроме того, в 1960 г. на французском языке вышла книга Д. Лукача «История и классовое сознание», которая представляла другое направление западного марксизма, заключающееся в рассмотрении пролетариата как субъекта исторического процесса. Как отмечают исследователи, несмотря на то, что подходы Д. Лукача и Л. Альтюссера были противоположны за счет философских источников их идей, основная цель была идентична: борьба с ортодоксией и обновление теории [Дмитриев 2004: 104–105].

Здесь можно сделать вывод, что идеи Альтюссера рождались в форме критики, с одной стороны, французского неогегельянства и гегельянской версии неомарксизма, и с другой стороны, экзистенциалистской философии с ее ориентацией на деятельность субъекта. В то же время идеи французского философа, несмотря на обвинения в «сталинизме», были далеки от официальной ортодоксии, что выражалось в неприязненном отношении к нему со стороны официального руководства ФКП [Гобозов 2014: 147].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу философских идей Альтюссера и их отличиям от идей К. Маркса, стоит остановиться на понятийном аппарате, который мы используем в отношении исследуемой проблематики. Ведь, говоря об Альтюссере и его школе, мы неизбежно используем такие понятия, как «западный марксизм», «неомарксизм» и «структуралистский марксизм». Само понятие «западный марксизм» было введено М. Мерло-Понти, который использовал его в качестве отличительной характеристики от марксизма восточного (марксизма-ленинизма). В дальнейшем этот термин получил известность за счет книги британского историка-марксиста Перри Андерсона «Размышления о западном марксизме» (*Considerations on Western Marxism*), в рамках которой автор объединил в одно направление целый ряд марксистских мыслителей, начиная от Д. Лукача и А. Грамши и заканчивая Л. Альтюссером и Дж. Делла Вольпе. В качестве ключевой особенности западного марксизма британский исследователь обозначил активную работу с иными (немарксистскими) философскими течениями и ориентацию на область философии, к которой сами поздние К. Маркс

и Ф. Энгельс относились крайне скептически [Андерсон 1991: 6]. Учитывая заимствования Л. Альтюссером многих идей и концепций из ряда направлений континентальной мысли и сам факт того, что интересы французского теоретика, как и многих его учеников и последователей, лежали именно в сфере философии (хотя не только), его, несомненно, стоит относить к деятелям западного марксизма.

Понятие «неомарксизм» представляет собой еще более крупную совокупность различных течений. Как отмечают исследователи, впервые данный термин вообще был использован как характеристика воззрений Ж. Сореля [Любутин, Шихардин 2010: 4]. Несмотря на это, в дальнейшем понятие «неомарксизм» стало использоваться практически как синоним понятия «западный марксизм», подразумевая процесс гибридизации наследия Маркса с иными философскими течениями и как попытку ответить на новые вызовы капитализма. Вместе с тем неомарксизм как термин представляется более широким, так как включает в себя течения, которые первоначально не задумывались как развитие марксизма (мир-системная школа, Люблянская школа психоанализа и т. д.). Исходя из этого, школу Альтюссера также можно отнести к понятию «неомарксизм». Правда, здесь стоит уточнить, что сам французский философ не использовал в своем отношении понятия «западный марксизм» или «неомарксизм». Данные термины возникли позднее как попытка классифицировать различные направления марксизма в XX в.

Словосочетание «структуралистский марксизм» возникло еще в период наиболее известных прижизненных публикаций Л. Альтюссера середины 1960-х гг. и являлось попыткой представить французского марксиста частью структуралистского движения, включающего в себя таких теоретиков, как К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт и Ж. Лакан. Уточним, что данные мыслители не отождествляли себя с каким-то единым направлением. Единственным, кто открыто признал себя структуралистом, был Леви-Стросс, а тот же Фуко иронично заметил, что в его наиболее «структуралистской» работе «Слова и вещи» сам термин «структура» практически не использовался [Фуко 2002: 279]. Несмотря на это, данных мысли-

телей объединяло несколько общих методологических позиций, а именно: критика телеологии как линейно-прогрессистского понимания истории, критика субъекта и человека как свободного творца, методологический холизм и рассмотрение объектов как совокупности различных структур (оттуда возник и сам термин «структурализм»). Данное течение стоит воспринимать не как единую школу, а скорее как некое общее мировоззренческое поле, ведь даже сам вопрос об истоках структурализма как направления не является общепринятым. Так, большинство авторов видит истоки структурализма в лингвистике Ф. де Соссюра [Гаспарян 2011: 190–191], однако в работах того же Альтюссера нет не только ссылок на Соссюра, но и вообще какого-либо интереса к лингвистике. Для Альтюссера (впрочем, как и для Фуко) дорогу к структурализму проложили работы французского философа науки Г. Башляра, чьи идеи понимания истории развития знания как истории постоянных разрывов заложили основу для структуралистской эпистемологии [Визгин 1996: 76]. Кроме того, в статье «По каким критериям узнают структурализм?» Ж. Делез упоминает Альтюссера как одного из основных представителей структурализма, который смог обнаружить эпистемологическую структуру «Капитала» К. Маркса [Делез 1999: 171].

Когда заходит речь об оригинальных идеях Л. Альтюссера как философа, то неизбежно встает вопрос о том, где в работах французского мыслителя заканчиваются его исследования как марксоведа (коим он себя однозначно считал) и начинаются его собственные мысли. Дело в том, что сам стиль Альтюссера герменевтичен, его можно обозначить как стиль философа-интерпретатора (в этом они схожи с А. Кожевным). Причины использования французским мыслителем подобного стиля обозначить трудно. Весьма вероятно, что подобная работа была связана с официальным идеологическим дискурсом в рядах ФКП, членом которой был Альтюссер. В рамках той системы понятий любой философ, будучи членом партии, должен был использовать определенный язык, применявшийся в теологическом стиле. Собственно, сами дебаты о Марксе тогда действительно в какой-то мере напоминали дискуссии средневековых теологов касательно интерпретации библейских вопросов. Подоб-

ная практика и позволила тому же Р. Арону обозначить Альтюссера как «марксистского теолога» [Арон 2012: 203].

Многие вопросы и темы, которые в свое время К. Маркс напрямую не затрагивал или рассматривал вскользь, сам Л. Альтюссер взялся рассматривать подробно, что отразилось и на его оригинальных идеях, которые он связывал с мыслями Маркса.

Если в произведениях того, что сам французский философ относил к «зрелому марксизму», самого Маркса интересовали прежде всего процессы накопления капитала и воспроизводства капитализма, то в тех же рукописях 1844 г. его внимание было приковано к отчуждению и методам его преодоления. Как раз здесь Альтюссер вводит концепцию эпистемологического разрыва (*rupture épistémologique*), понятие, заимствованное им из работ Г. Башляра, который использовал данный термин в контексте критики традиционного понимания развития науки как линейного процесса накопления фактов. В статье «О молодом Марксе», впервые опубликованной в философском журнале «La Pensée» в 1961 г. (позже она вошла в сборник «За Маркса»), французский философ применил концепцию эпистемологического разрыва к мысли Маркса, отделив проблематику его ранних произведений от работ зрелого периода [Альтюссер 2006: 50–53]. Уточним, что в данном контексте нас не интересует вопрос о действительном существовании разрыва в мысли немецкого мыслителя. Предмет нашего интереса сконцентрирован в поиске связи между альтюссеррианской концепцией «эпистемологического разрыва» и идеями Маркса, которые Альтюссер использовал для создания собственных концепций. Дело в том, что сама по себе проблематика философско-антропологического характера, характерная для раннего Маркса, с точки зрения французского философа не является научной. В разные эпохи человеческой природе приписывались разные качества в зависимости от господствовавшей идеологии (либо человек от природы добр и честен, либо же он зол и жесток). По этой причине данный вопрос для Альтюссера является бессмысленным и попросту ненаучным. В качестве аргументации французский мыслитель ссылаясь на критические замечания Маркса к «Учебнику политической экономии» А. Вагнера. Маркс писал: «...мой метод анализа, исходным пунктом ко-

того является не человек, а данный общественно-экономический период, не имеет ничего общего с немецко-профессорским методом соединения понятий («словами диспуты ведутся, из слов системы создаются»)...)» [Маркс 1960б: 386]. По этой же причине Альтюссер отрицал концепцию отчуждения, относя ее к философии Фейербаха, которого как раз и интересовала подобная проблематика. Здесь также можно проследить определенное отличие альтюссерянской позиции от идей того же М. Фуко, заявившего о смерти человека как философского понятия.

В данном контексте концепция эпистемологического разрыва Альтюссера плавно перешла в его трактовку марксизма как теоретического антигуманизма. Гуманистическое прочтение Маркса, распространившееся после публикации его ранних произведений, с точки зрения французского философа, являлось идеологическим, а не научным [Альтюссер 2006: 327]. Здесь нужно уточнить, что Альтюссер проводит разграничение между теоретическим и практическим понятием термина «гуманизм». Под практическим гуманизмом подразумевается реализация принципов гуманизма в общественных отношениях: ценность человеческой жизни, социальные права, гарантии и т. д. Но, что очень важно, реализация гуманистических принципов рассматривается французским марксистом не как торжество абстрактной гуманности или добродетели правящих классов, а как результат классовой борьбы, который оказался необходимым для дальнейшего капиталистического воспроизводства.

Теоретический же гуманизм, согласно Л. Альтюссеру, является построением различных моделей философии субъекта, то есть абсолютизации человеческих возможностей. Нетрудно догадаться, что данная терминология была направлена ключевым образом против экзистенциальной интерпретации марксизма в лице Ж.-П. Сартра и др.

Здесь стоит подчеркнуть, что концепция теоретического антигуманизма, по мнению самого Альтюссера, выходит чисто из эпистемологического анализа идей Маркса, однако, по мнению исследователя французского неомарксизма Н. В. Шихардина, ключевую роль в разработке концепции теоретического антигуманизма сыграл именно структуралистский подход [Шихардин 2009: 15]. Уточ-

ним, что сам Маркс в своих поздних работах не затрагивал подробно вопросы гуманизма, что отчасти и создало почву для подобных дискуссий. На наш взгляд, подобный вывод Альтюссер сделал скорее из собственных философских идей, чем из своих марксологических исследований.

Одной из основных целей Л. Альтюссера в рамках работы над своими философскими произведениями было обновление и дополнение мысли Маркса, что он сам воспринимал как неотъемлемую часть теоретической работы. Концепция сверхдетерминации (*sur-détermination*) стала одной из самых знаменитых его идей, которая не была напрямую связана с изучением произведений немецкого мыслителя. Сам термин был заимствован им из психоанализа, что обуславливалось интересом французского философа и отчасти его близостью к идеям Ж. Лакана, которые Л. Альтюссер сам активно популяризировал на разных этапах. Основную цель изобретения нового концепта можно описать как, с одной стороны, борьбу с экономическим детерминизмом, процветавшим в ортодоксальном марксизме-ленинизме, и как попытку противостояния неогегельянству – с другой. Следуя классической марксистской схеме, революции происходят лишь на обострении противоречий между производственными силами и производственными отношениями. Альтюссер замечает, что данное противоречие никогда не является простым и всегда должно изучаться в жесткой совокупности с надстройкой. То есть при ведущем влиянии экономического фактора ключевую роль для революционных событий могут сыграть иные противоречия, которые оказываются сверхдетерминированными. В данном ключе концепция «сверхдетерминации» развивает рассуждения В. И. Ленина о слабом звене в цепи мирового империализма. Сам Альтюссер, ссылаясь на Ленина, описывает множественные противоречия развития России в начале XX в., такие как противоречия функционирования многих феодальных институтов с бурным развитием капиталистических отношений, противоречия капиталистической и империалистической эксплуатации, а также гигантское противоречие между уровнем развития капиталистического производства и средневековым состоянием сельского хозяйства [Альтюссер 2006: 138].

Непосредственно в трудах отцов-основателей марксистской теории данная тема не была подробно расписана. Тем не менее в рамках описания собственной концепции Л. Альтюссер активно ссылался на рассуждения Ф. Энгельса об автономии надстройки: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе, определяющим моментом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную бессмысленную фразу...» [Маркс, Энгельс 1960: 394–395].

Важно подчеркнуть: помимо всего прочего, концепция сверхдетерминации имеет ярко выраженный антигегельянский характер, что являлось одной из важнейших характеристик альтюссерянского марксизма. Альтюссер атаковал Гегеля, с одной стороны, за существование ведущего противоречия, определяющего развитие каждой эпохи (например, противоречие между бытием и ничто), и за наличие процесса развития как заранее запрограммированного содержания – с другой [Elliott 2006: 125]. То есть, согласно мысли французского философа, определенной степенью гегельянства страдает как советский ортодоксальный марксизм с его пятичленкой, так и версии неомарксизма в лице Д. Лукача и Г. Маркузе.

Вместе с этим Л. Альтюссер ввел понятие «структурной причинности» (*causalité structurelle*), подразумевая, что процессы происходят не под влиянием какого-то одного фактора, а при их общем влиянии и доминировании случайного. Сама категория случайности является также одним из важнейших концептов философии французского мыслителя, что впоследствии станет основой для разработки его «алеаторного материализма» [Montag 2013: 171].

Несмотря на значительное количество публикаций, наибольшую известность приобрела небольшая статья Альтюссера «Идеология и идеологические аппараты государства» (*Idéologie et appareils idéologiques d'État*), впервые опубликованная в 1970 г. Изначально данная статья представляла собой лишь часть проекта большой книги, посвященной капиталистическому государству,

идеологии и воспроизводству. Сама книга («Sur la reproduction») была опубликована лишь после смерти автора, в 1995 г. Центральными понятиями статьи 1970 г. являются такие концепции, как «государство», «идеология» и «идеологические аппараты государства». Сами же К. Маркс и Ф. Энгельс не посвящали природе государства и идеологии отдельных работ. Их подход к анализу данных институтов можно найти в нескольких текстах, посвященных критике идейных оппонентов («Немецкая идеология») и анализу конкретных политико-исторических событий («Гражданская война во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). Государство, с их точки зрения, представляет собой оружие классового господства [Маркс 1960а: 422], в то время как идеология является лишь формой ложного сознания [Его же 1960в: 11].

В классическом марксизме, а затем и в марксизме-ленинизме, подход к анализу государства и идеологии оставался неизменным. Л. Альтюссер же подверг данные концепции переосмыслению во многом за счет изменений общественно-политических отношений. Согласно ему, следует разделять само государство и его аппарат, который, в свою очередь, делится на репрессивные и идеологические аппараты. К репрессивным аппаратам Альтюссер относил традиционные силовые ведомства (армия, полиция и т. д.). Идеологические же аппараты не направлены на прямое насилие, а действуют как символическая опора идеологии господствующего класса, в частности информационный аппарат (пресса, телевидение и т. д.) [Альтюссер 2011: 77]. Здесь французский философ и вводит собственное определение идеологии. Если К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали идеологию исключительно как ложное сознание, то Альтюссер понимает ее в более широком смысле. Обращаясь к Б. Спинозе, он определяет идеологию как совокупность всех символических и духовных качеств. Начиная от того, как люди приветствуют друг друга, и заканчивая тем, что является составными частями философского мышления, все это зависит от идеологии, сформированной процессом материального производства. Важно подчеркнуть, что, в отличие от тех же теоретиков Франкфуртской школы, Альтюссер не рассматривает идеологию однозначно в негативном или позитивном ключе. Для него она представляет собой

данность, которая является основой процесса социализации как неотъемлемой части не только капитализма, но и материального производства вообще. Вместе с тем здесь же раскрывается одна из главных слабостей альтюссерянской теории идеологии, заключающейся в определенной степени пессимизма и в недооценке субъективных факторов.

Теория идеологии Л. Альтюссера стала впоследствии не только его наиболее известной идеей, но и особенно часто подвергалась переосмыслению уже совершенно иными авторами. Причем значительное количество теоретиков использовало данный концепт в сочетании с понятием интерпелляции (*interpellation*), еще одной из концепций Альтюссера, подразумевающих принятие идеологической роли. Так, известный американский теоретик феминизма Дж. Батлер использует данные концепты в контексте конструирования гендерных идентичностей [Батлер 2002: 110]. Интересно, что публикация расширенной версии книги (на английском языке работа вышла в 2014 г. с названием «On the Reproduction of Capitalism») не оставила камня на камне от подобных интерпретаций, так как для Альтюссера теория идеология была неразрывно связана с процессом материального производства [Althusser 2014: 108].

Луи Альтюссера с уверенностью можно назвать не только одним из крупнейших континентальных мыслителей XX в., но и одним из наиболее значительных интерпретаторов Маркса в истории философии. Его собственные идеи, конечно же, значительно отличаются от воззрений немецкого мыслителя, жившего еще в XIX в., но вместе с тем Альтюссеру удалось сохранить некоторую степень аутентичности классического марксизма. Он не рассматривал наследие Маркса как новейшую теорию борьбы угнетенных с угнетателями, ведь подобные темы были характерны еще для старого утопического социализма. Альтюссер, несмотря ни на что, пытался отстоять именно научный характер марксизма, пусть и значительно переосмысля большинство его элементов.

Литература

Альтюссер Л. За Маркса. М. : Праксис, 2006.

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175.

- Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М. : Интер-Версо, 1991.
- Арон Р. Воображаемые марксизмы. 3-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.
- Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков : ХЦГИ; СПб. : Алетейя, 2002.
- Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М. : ИФ РАН, 1996.
- Гароди Р. Марксистский гуманизм. М. : Изд-во ин. лит-ры, 1959.
- Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М. : РОС-СПЭН, 2011.
- Гобозов И. А. Л. Альтюссер – выдающийся французский философ-марксист XX в. // Философия и общество. 2014. № 1. С. 146–163.
- Делез Ж. По каким критериям узнают структурализм? / Ж. Делез // Марсель Пруст и знаки. СПб. : Алетейя, 1999.
- Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004.
- Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010.
- Любутин К. Н., Шихардин Н. В. Альтернатива Луи Альтюссера: неомарксистский выбор. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010.
- Маркс К. Капитал. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 25. М., 1960а.
- Маркс К. Критические замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 19. М., 1960б.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 42. М., 1960в.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 13. М., 1960.
- Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
- Фуко М. Власть и знание / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002.

Шихардин Н. В. Луи Альтюссер: критика, реконструкция и защита марксизма // Вестник Самарского университета. 2009. № 1 (67). С. 11–17.

Althusser L. *Man, That Night* / L. Althusser // *The Spectre of Hegel*. London : Verso, 1997.

Althusser L. *On the Reproduction of Capitalism*. London : Verso, 2014.

Elliott G. Althusser. *The Detour of Theory*. Leiden; Boston : Brill, 2006. Pp. 318–319.

Ferretter L. *Louis Althusser (Routledge Critical Thinkers)*. London : Taylor & Francis, 2006.

Montag W. *Althusser and His Contemporaries. Philosophy's Perpetual War*. Durham; London : Duke University Press, 2013.